

ВЕРХИ НЕ ХОТЯТ, НИЗЫ НЕ МОГУТ

Илья Калинин

Илья Калинин — шеф-редактор журнала «Неприкосновенный запас»

Само по себе признание разрыва между обществом и правящим классом не столь удручает. В принципе, этот разрыв мог бы служить индикатором назревающего социального подъема, способного привести к изменению или улучшению наличного социально-политического режима. Удручает другое. То, что **само «общество» во многом и возникает как эффект существующего неприятия элит** (или как эффект других вариантов негативной идентификации).

Элиты еще могут рассматриваться как некий более-менее консолидированный социальный слой, сплоченный доступом к распределению экономических, политических или административных ресурсов. Но отрезанное от ресурсов «общество» атомизированно и разобщено, оно распадается на внутренне аморфные группы, связанные лишь общностью уровня потребления. Эта социальная дифференциация свидетельствует не о сложности социальной структуры и многообразии способов социального взаимодействия, а об общественной аномии. В этой ситуации те или иные формы солидарности уничтожаются даже не столько не-

справедливыми формами разделения труда, сколько очевидно несправедливым распределением его результатов, сопровождающимся последовательной девальвацией институтов политического вмешательства в существующее положение дел.

Этот раскол носит не просто негативный характер, связанный с «ненавистью к элитам», а характер непродуктивный, несколько не препятствующий дальнейшему распаду социальной ткани. В целом такое положение дел соответствует задачам правящей элиты, которая стремится не столько к изменению ситуации, сколько к блокированию возможности общественной консолидации, угрожающей status quo.

Я бы не говорил об отторжении форм жизни, практикуемых элитой. Существующий раскол носит не стилистический характер, в этом представителям элиты не стоит обольщаться. Ненависть вызывают не сами «мигалки», а те, кто ими пользуется. То же самое можно сказать и о других атрибутах власти и капитала. Уродливая демонстративность форм различия между «элитой» и «обществом» как раз снижается. Зато усиливается ощущение того, что каналы связи между ними, — несмотря на всю риторику «сбережения народа», за-

произошло и дальнейшее перераспределение если и будет происходить, то опять же внутри уже сформировавшейся элиты, легитимность которой не освящена ни временем, ни хотя бы готовностью служить национальным интересам.

Стабильность, ставшая основным политическим тезисом 2000-х, имеет и сопутствующие черты. Во-первых, ощущение относительного и, как показывают последние годы, временного благополучия, обеспеченного ценами на нефть и живой памятью об экономическом обвале первой половины 1990-х. Во-вторых, ощущение абсолютной исключенности даже не из политического процесса (которым широкие слои общества интересуются не так уж часто), а из процесса, который, с определенной долей условности, можно было бы назвать процессом формирования образа будущего. Последний имеет отношение к политике в более широком смысле. Он имеет отношение к политике как способу участия в «общей жизни», — общей для народа, нации, страны. И в этом смысле **«стабильность» прочитывается многими как распространение их нынешней социальной, политической или финансовой несостоятельности в будущее, которое предстает в лучшем случае как со-**

Взаимное отчуждение элит и общества не повторяет хрестоматийной схемы революционной ситуации, описанной Лениным в 1913 году, когда низы не хотят жить по-прежнему, а верхи не могут управлять как прежде. Теперь все скорее наоборот: верхи не хотят что либо менять, а низы уже не могут заявить о своем нежелании все это терпеть

действующую на высшем уровне, — или полностью отсутствуют или носят односторонний характер. Становится окончательно понятно, что распределение благ уже

хранение нынешнего положения.

Ненависть к «правлящему классу» не носит устойчивого, социально локализуемого характера. Более-менее очевидно, что интенсив-

ность негативного отношения зависит от степени социально-экономической маргинализированности. Однако, если двигаться по социальной оси в направлении относительного благополучия, можно заметить, что убывание некой «органической силы» сопровождается повышением политической мотивированности и осознанности отторжения. Его субъектом может стать каждый, в тот момент, когда он в очередной раз сталкивается с властью, причем не в лице «истеблишмента» и «правлящих элит», а в лице того или иного института государственной власти: в диапазоне от коммунальных служб до судов, от органов правопорядка до органов исполнительной власти.

Проблема в том и состоит, что созданные правящим классом «институты и практики» — это институты и практики государственной власти. А сам раскол между элитой и обществом не ограничивается естественным отношением «бедных и больных» к «богатым и здоровым», и мотивирован не только разделяющей их дистанцией. Точнее сказать, эта дистанция носит не столько социально-экономический, сколько, я бы сказал, эпистемологический характер. Она состоит в разрыве между медийными образами и «реальностью, данной нам в ощущениях», между порядком дискурса и режимом власти, когда, глядя в телевизор, кажется, что проблемы не решаются только у тебя.

Такой же диффузный, не персонифицированный характер имеет и объект, на который направлена эта энергия неприятия. В 1990-е массовое возмущение проецировалось на конкретные образы: во всем были виноваты Ельцин, Чубайс, Гайдар, Немцов, Грачев и т.д., и т.д. и т.д. Высшая часть элиты 2000-х, выиграв войну за медиа, оградила себя от таких несанкционированных самой властью атак — теперь персонификация народного гнева возможна только в случае приближающейся отставки. Однако, **отведя удар от персоналий и внешне демонстрируя свое единство, правящий класс стал объектом общего неприятия.**

И, тем не менее, говоря об отношениях между обществом и элитами, я не стал бы акцентировать «ненависть» как основной язык описания, тем более говорить о «всепоглощающей ненависти». Ни со стороны общества к элите, ни в обратном направлении. Вопрос состоит не в агрессии или защите, а в обоюдном отчуждении, — что, правда, может быть еще более опасно. Однако, это взаимное отчуждение не повторяет хрестоматийной схемы революционной ситуации, описанной Лениным в 1913 году, когда низы не хотят жить по-прежнему, а верхи не могут управлять как прежде. Теперь все скорее наоборот: верхи не хотят что либо менять, а низы уже не могут заявить о своем нежелании все это терпеть. И поскольку политическое пространство не просто деинституционализировано (формально институты политического участия продолжают существовать), а последовательно девальвировано, превратившись в пространство внутреннего торга между теми или иными группами внутри элиты, остается лишь нечленораздельное отрицание всего, что связано с политическим, — то есть всего, что так или иначе выходит за пределы личного дела, личного опыта, личного горизонта. ■

Специально для Ярославского Форума

ХУЖЕ, ЧЕМ НЕНАВИСТЬ

СЕРГЕЙ ЧЕРНЫШЕВ – специалист в области организации и управления. Директор Русского института. Член Общественного совета при Министерстве промышленности и торговли РФ

Специально для Ярославского Форума

Все большая часть хоть сколько-нибудь образованного класса в России просто ничего не ждет от власти. В идеальном случае начинается процесс внутренней иммиграции: люди не вовлекаются ни в какие дискуссии, не покупаются ни на какие лозунги, ни в чем не участвуют, не предлагают никаких инноваций — одним словом, говорят: «отстаньте от нас». А в худшем случае, наиболее массовом, начинается фактический отъезд. Прежде всего, это предприниматели, активная часть общества, которая юридически, с точки зрения Росстата, продолжает жить здесь, по крайней мере, сохраняет прописку, но, фактически, уже перенесла свои дела и переехала за границу.

Для выборов ничего страшного в этом нет. Подумаешь, миллион другой людей из числа образованного класса надеется и на выборы не пойдет. А то они раньше ходили! Но здесь угроза гораздо больше, чем ненависть.

Равнодушие, отсутствие ожиданий — это не разочарование людей, которые были очарованы. Это прекращение ожиданий со стороны тех, кто готов был «вписаться», поддержать какие-то содержательные послылы. Но поскольку таковых не последовало, эти люди, особо не размахивая ру-

ками, просто ничего не ждут и тихо уезжают. Это угроза, огромная угроза, потому что **мы, наша власть и государство, можем остаться наедине с бюджетниками и с сырьевым сектором.** А все люди, которые потенциально могли бы участвовать в чем-то инновационном, просто уедут, и будут заниматься самореализацией там, сохраняя вежливую готовность приехать, если что. Это не социальный протест, это хуже.

Наша политическая элита — искренние, честные и верящие во все хорошее люди, которые старались и продолжают стараться изо всех сил. Но у нас **герметичная элита, она герметична в смысле политики и содержания.** К сожалению, все поиски каких-то возможных линий реформ и попытки апеллировать к обществу тоже ни к чему не привели.

Так или иначе, произойдут встряски, в результате которых в этой герметичности возникнут какие-то дырки, щели или трещины. Когда не делается то, что должно было быть сделано, когда не предпринимаются шаги, которые должны были быть предприняты, мы как бы отдаемся во власть стихии. Новое содержание пробивается природным способом. С ненавистью можно как-то разобрататься. Мы же давим клопов на стенках каюты тонущего судна. ■